

ОСВОЕНИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОЙ СИБИРИ И КАНАДСКОГО СЕВЕРА В СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ (XVI — НАЧАЛО XX в.)

Сравнительные исследования занимают существенное место в социальных и гуманитарных науках в силу ограниченности их возможностей в области применения экспериментальных подходов. Сравнительно-исторические исследования, в частности, позволяют фокусировать внимание на таких переменных, как институты, социокультурный контекст, механизмы принятия решений. Историко-компаративный подход направлен на выявление: общих стадий или фаз, через которые проходят общества и институты; особых путей, которыми они могут двигаться; комбинаций подобных «вертикальных» и «горизонтальных» категориальных классификаций; на определение степени синхронности/асинхронности в прохождении определенных динамических фаз, в решении тех или иных социальных проблем.

Широкое распространение в социальных исследованиях получила так называемая бинарная компаративистика, в рамках которой осуществляется сопоставление парных объектов: социальных систем какого-либо типа (ими могут быть общности различного масштаба, институты, организации). При этом продуктивность применения подобного познавательного инструмента связывается с выбором в качестве объектов изучения таких социальных единиц, которые обнаруживают нечто общее в своем облике, строении, в развитии, но, функционируя в различных эколого-социальных средах, одновременно обладают и определенной спецификой.

В последнее время предметом плодотворного сравнительного изучения неоднократно становилось освоение восточных регионов России, в первую очередь Сибири, и западных территорий США (так называемого североамериканского фронта) ¹.

Вероятно, не меньше оснований для выбора в качестве объектов компаративного исследования России и Канады, в частности, процессов их территориального расширения и освоения их северных территорий.

Важно отметить, что мысль о сходстве в развитии России (Сибири) и Канады уже звучала в литературе. В частности, подобные

наблюдения были высказаны известным специалистом по проблемам Канады А.И.Черкасовым в предисловии к замечательной книге американского писателя-натуралиста Генри Бестона «Река Святого Лаврентия», впервые опубликованной в начале 1940-х гг. и открывшей французское лицо Канады: «Может быть, это что-то очень личное, — пишет А.Черкасов, — но мне кажется, что терпимость к людям иной расы и иной культуры, сближение с коренным населением осваиваемых северных территорий — одна из общих черт франкоканадцев и русских. Эти черты, похоже, возникли вследствие сходства природно-климатических условий жизни и отчасти — особенностей исторического развития стран, по крайней мере в XIX веке: с одной стороны, длительное сохранение пережитков феодализма, безысходная нужда и насаждаемое сверху господство церкви, с другой — неукротимое стремление народа к свободе, находившее свой выход и в бегстве вольницы в таежные дебри Севера.

Землепроходцы обоих народов сравнительно легко находили общий язык с таежными жителями, смешивались с ними, перенимали их обычаи и опыт и обогащали их своими знаниями.

Генри Бестон отмечает скромность быта франкоканадского сельского жилища — «ничего лишнего». Но ведь такова и традиция русской избы. Те же зимние празднества с катанием на санях (только в Квебеке вместо троек, кажется, пары). У франкоканадцев такие же, как и у русских, протяжные, грустные народные песни, а есть и искрометные плясовые; мелодия припева одной очень популярной песни гребцов, возвращающихся домой, до удивления напоминает нашу «Светит месяц». Народные игрушки-самоделки — ни дать ни взять деревянные и глиняные лошадки наших умельцев. А самое популярное у франкоканадцев национальное блюдо — блины. Правда, с кленовым сиропом...»².

Страновой формат сравнения

Россия и Канада принадлежат к различным ипостасям христианской цивилизации, что существенно специфицирует культурно-ментальные облики стран, влияет на пути их исторического развития. Канада — порождение западной христианской цивилизации в ее католической (французской) и протестантской (англосаксонской) модификациях³. Российская цивилизация опиралась на византийско-ордынское «наследство». Ее духовным стержнем стало православие. Пограничное месторасположение страны между раз-

личными цивилизационными мирами оказывало существенное влияние на ее исторические судьбы и цивилизационную специфику, заметно усложняя последнюю.

Канада представляла собой относительно молодое общество, как и ряд других обществ Северной Америки (США), Австралии, Новой Зеландии, которые сами возникли в результате трансконтинентальной миграции. Первоначально Канада являлась «филиалом» Великобритании и Франции в Новом Свете. Для нее были характерны продолжительный период колониальной зависимости на начальном этапе, наличие обширных и неосвоенных пограничных территорий, где в избытке были представлены земля и другие ресурсы. Соответственно, значимым фактором ее исторического развития являлось освоение новых пространств, колонизация и, соответственно, замедленный переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства.

Добывающие отрасли длительное время доминировали в экономике Канады. Данное обстоятельство было отмечено канадскими исследователями, причем некоторые из них воспринимали его как конституирующее канадское общество. Так, канадский экономический историк Г.Иннис развивал в межвоенный период так называемую «теорию сырьевых ресурсов»⁴, согласно которой рыба, пушнина, лес и пшеница явились определяющими факторами развития страны, а основы Канады зиждились на симбиозе эксплуатации сырья и обслуживании потребностей европейского рынка. Вся энергия канадцев, по мнению Г.Инниса, сосредоточивалась на производстве того или иного вида сырья и этому подчинялось развитие сельского хозяйства, промышленности, транспорта, торговли, финансов, правительственная деятельность.

Что же касается России, то страна принадлежала к той весьма неоднородной группе обществ, которые сумели отстоять независимость благодаря длительному опыту централизованного бюрократического управления, своеобразной эффективности традиционных правительств, созданию территориальных и демографических (многоэтничных по своей природе) основ своих государств еще в домодерный период⁵.

Наличие больших массивов слабозаселенных территорий создавали предпосылки для дальнейшего переселения, миграций, разрядки демографического давления в густонаселенных районах. Еще В.О.Ключевский в связи с этим отмечал: «История России есть история страны, которая колонизуется». Освоение новых

пространств как ведущий региональный процесс сближало Россию с переселенческими странами, в частности, с той же Канадой. В то же время колонизация так же, как и в Канаде, тормозила переход от экстенсивных к интенсивным методам освоения пространства, закрепляла на длительное время доминирование добывающих отраслей экономики, низкотехнологичные уклады в центре страны, транслировала их на периферию.

Необходимо также учитывать то, что превалярующий восточный вектор российской колонизации со временем увеличивал удаленность страны от моря, что в плане торговли способствовало росту транспортных издержек при перевозке товаров и делало более дорогостоящей интеграцию страны в международное разделение труда. Россия продолжала территориальную экспансию на протяжении длительного периода истории, фактически до конца XIX в.

Региональные, этнокультурные контрасты и диспропорции, различная степень заселенности и освоенности территорий присущи как Канаде, так и России. Этнонациональный дуализм, фактор иммиграции создавали проблему ассимиляции в Канаде. Многоэтничность и постоянные перемещения населения затрудняли процессы социальной интеграции в России.

Необходимо обратить внимание на неоднородность социального опыта в Канаде и в России. Первая обладала более архаичным социальным наследием во французской Канаде и более подвижным и мобильным — в английской. В России же более жесткое социальное наследие локализовалось в крепостническом центре, более гибкое — на периферии, где отсутствовало крепостничество.

Освоение канадского Севера и Северо-Западной Сибири

В целом первоначальное освоение европейцами канадского Севера и Северо-Западной Сибири имеет как схожие черты, так и несомненные различия. И в первом, и во втором случае процесс освоения растянулся на столетия, шел замедленными темпами, особенно на первых этапах.

Крайне медленно проходило ознакомление европейцев с новыми территориями, начавшееся для канадского Севера, видимо, в IX—X вв. (плавания норманнов или викингов), а для Севера Западной Сибири в XII—XIII вв. (походы новгородцев в Приуралье) ⁶. При этом следует отметить более прерывный и морской характер

первоначального европейского освоения канадского Севера, который открывался несколько раз, что было обусловлено удаленностью и отделенностью океаном американского континента от Европы. Славянское освоение Северо-Западной Сибири в этом плане было менее прерывным и носило в значительной степени сухопутный характер, протекая в рамках одного континента.

Активизация освоения обеих территорий приходится на конец XV—XVI вв. и совпадает в целом с эпохой Великих географических открытий. События, повлиявшие на судьбу Канады и Америки в целом, начались с падения Константинополя в 1453 г. и с возникновения угрозы со стороны агрессивной Османской империи традиционным торговым путям между Западом и Востоком. Именно после этого были предприняты усилия к обнаружению альтернативных маршрутов на Восток и иных источников пополнения запасов драгоценных металлов. Поскольку Португалии удалось занять господствующее положение в торговле восточными предметами роскоши, а Испания сумела захватить львиную часть Америки и установить контроль над запасами благородных металлов Нового Света, северным европейским державам, слишком поздно вступившим в гонку за приобретение колониальных владений, пришлось изобрести обходную стратегию, чтобы обеспечить себе какую-то долю добычи, получаемой в результате завоевания и эксплуатации заморских территорий⁷.

Реагируя на испанские «открытия», Англия в XVI и в начале XVII в. приступила при поддержке королевского двора к поиску северо-западного прохода на Восток, к золотым и серебряным рудникам. В ходе этих ранних «северных» плаваний пробудился интерес к о-ву Ньюфаундленд и появилось стремление завладеть его территорией. Аналогичные мотивы были характерны и для Франции. Поиски северо-западного прохода и сокровищ также привели к Ньюфаундленду. С конца XVI в. географические открытия на Канадском Севере связываются с поисками морского пути вокруг Америки из Атлантического океана в Тихий — так называемого Северо-западного прохода⁸.

В 1576—1578 гг. три плавания на Север в поисках Северо-западного прохода совершил Мартин Фробишер, достигший берегов Баффиновой Земли. Вслед за Фробишером в конце XVI — начале XVII в. канадские полярные моря посетило множество английских и датских мореплавателей, благодаря плаваниям которых стали известными отдельные места от Гудзонова залива до пролива Ланкастер.

Кстати, западноевропейские мореплаватели и путешественники пытались с середины XVI в. проникнуть и в восточном направлении водами Северного Ледовитого океана (англичане и голландцы — С.Бэрроу, А.Дженкисон, Р.Джонсон, Х.Холмс, А.Марш, И.Масса и др.)⁹.

Динамика русского освоения восточных регионов, видимо, также находится в определенной зависимости от реконфигурации прежних торговых путей после падения Константинополя. Москва, потеряв после завоевания турками Константинополя и итальянских колоний в Крыму возможность торговать с итальянскими городами-республиками, активизировала наступление на торговый форпост России того времени — на Новгород¹⁰. К середине XV в. позиции Новгорода Великого на Севере были уже значительно подорваны. Неудачным был последний поход 3-тысячного новгородского войска на Югру в 1446 г.¹¹. В этот период натиск Москвы на Новгород чрезвычайно усилился. После Яжелбицкого (1456) и Коростынского (1471) договоров Москвы с Новгородом прекратились походы новгородских дружин в Югорскую землю за пушниной. В 1478 г. полуавтономное к тому времени Новгородское государство окончательно было ликвидировано, в связи с чем произошла окончательная и полная передача Москве восточных волостей Новгорода, переход основных торговых путей на восток в руки московских князей.

Москва, окончательно подчинив в 1478 г. Новгород, активизировала продвижение в «полунощные страны», стимулом которого выступали пушные ресурсы. К концу XV в. угорские княжества Нижнего Приобья признали вассальную зависимость от Москвы, которая, однако, носила номинальный характер, ограничиваясь преимущественно нерегулярной выплатой дани «со всякого человека по соболю». В результате зауральских походов 1465, 1483 и 1499 гг. были созданы лишь основы для политической интеграции Северного Зауралья, Югорской земли, в состав Московского государства. Благодаря недавним архивным находкам екатеринбургских историков (Е.В.Вершинин, А.Т.Шашков) удалось установить, что уже в первой четверти XVI в., а не с конца данного столетия, как считалось ранее, началось приведение зауральских самодийцев в российское подданство¹².

В XVII в. упрочивается положение европейцев на территориях как канадского Севера (появляются стационарные французские колонии), так и Севера Западной Сибири (прочное включение в

состав Русского государства, создание системы опорных пунктов русского присутствия в регионе и русской администрации с конца XVI в. — Березова (1593), Обдорска (1595 или 1596 г.) и Мангазеи (1601). На рубеже XVI—XVII в. пространство Северо-Западной Сибири включается в состав формирующихся уездов — Березовского в западной части и Мангазейского в восточной. На эти земли распространяется система русского государственного управления в лице воевод, ясачных сборщиков — объясачивание, означавшее реальное подчинение автохтонов власти Москвы, которое заметно активизировалось в данный период по сравнению с прошлым и в Обдории, и особенно, в районе Мангазеи ¹³. Система опорных пунктов облегчала увеличение числа плательщиков налога.

Французы с самого начала сумели подкрепить свои права на северные территории континентальной Северной Америки, создав в начале XVII в. на р. Св. Лаврентия — главной водной системе, открывавшей доступ вглубь страны, укрепленное поселение, из которого развернули прибыльную торговлю мехами ¹⁴.

При этом важное отличие в освоении канадского Севера и крайнего Севера Западной Сибири было связано с тем, что в первом случае (Канада) новые территории являлись объектом устремлений различных мировых политических сил, в первую очередь, Франции и Англии, что приводило к росту конкуренции и межгосударственному соперничеству, в основном завершившемуся во второй половине XVIII в. победой англичан, во втором же случае, несмотря на попытки западноевропейских мореплавателей и путешественников, в особенности англичан и голландцев, проникнуть морским путем на восток, русской колонизации не противостояли какие-либо серьезные иноземные конкуренты.

Общей чертой для канадского и сибирского севера в XVII—XIX вв. являлся «фронтальный» характер экономики, который, по мнению последователя автора фронтальной теории Ф.Д.Тернера А.М.Саймонса, применительно к североамериканскому континенту может быть описан следующим образом: «Эта вечно движущаяся пограничная полоса явилась одной из отличительных черт в развитии американского общества. Ясное понимание ее влияния разрешает многие трудные проблемы в этой истории. ... История Соединенных Штатов представляет собою описание движения могучей армии на Запад, на завоевание лесов и прерий. Эта армия имела своих разведчиков, свой авангард, своих саперов и минеров, свои оккупационные отряды. Эти различные отряды воспро-

изводили по очереди различные ступени общественного развития, пройденные в свое время всей расой. ... Последовательные ступени заселения Запада надвигающейся армией пионеров Америки вновь воспроизводят перед нами историю социального развития. Авангард охотников, трапперов, рыболовов, разведчиков и борцов с индейцами с замечательной точностью воспроизводит дикое состояние общества. Они жили в примитивных жилищах, выстроенных из бревен, или в землянках, добывали себе пищу и одежду охотой на зверей, группировались вокруг отдельных вождей, часто не знали никаких законов, были грубы и легко возбуждали ссоры, хотя часто обнаруживали еще более характерные черты диких — молчаливость и фаталистическую храбрость. Эти люди заходили на целые сотни миль вглубь пустыни, вдаль от всяких постоянных поселений. Они нередко дружились и жили вместе с индейцами. Таковы были французские бегуны по лесам, которые собирали меха на пространстве от Гудсонова до Мексиканского залива, исследуя реки, нанесенные на карту лишь в течение последних десятилетий. Когда эти разведчики произвели разведку местности, появился первый отряд главной завоевательной армии. Он состоял из небольших групп поселенцев, лепившихся вдоль водяных потоков и главных путей, по которым прошел авангард. ... Люди этого периода представляли собою бродячий элемент. Едва успевали они расчистить небольшой участок в пустыне, как снова двигались в путь, чтобы опять взяться за эту же работу, дальше на Запад. Они тоже группировались вокруг отдельных вождей, обыкновенно соединяли охоту и рыболовство с земледелием, и во всех войнах, в которые оказывались втянутыми Соединенные Штаты, кроме последней, они давали самых лучших борцов»¹⁵. Данная модель слишком прямолинейная и гиперболизированная, тем не менее, она верно схватывает преимущественно торгово-промысловый характер экономики «границы», действительно присущий и канадскому и сибирскому фронтам.

Главным стимулом первоначального освоения и канадского Севера, и Северо-Западной Сибири являлся пушной промысел. В ранний период канадской истории пушной промысел явно преобладал над другими занятиями населения. Именно пушной промысел стимулировал исследование страны и содействовал ее колонизации.

Насколько динамика освоения зависела от возможностей пушного промысла, в русском варианте подтверждает история Манга-

зеи. В первой половине подавляющую часть пушнины в Сибири давали Мангазейский, Енисейский и Якутский уезды. При этом в данной тройке лидеров длительное время всех опережала «золоток кипящая» Мангазея. Так, по данным П.Н.Павлова, из общего количества пушнины, вывезенной в 1627 г. частными лицами из Сибири на сумму 78,1 тыс. руб., на Мангазейский уезд приходилась доля, оцененная в 63,7 тыс. руб. По официальным подсчетам, в течение 1630—1637 гг. из Мангазеи было вывезено около полутора миллиона соболиных шкурок. А.Н.Копылов определил долю Мангазейского уезда в добыче сибирской пушнины для 1627/28 и 1631/32 гг. в 85,5% и 76,2% соответственно. Вывоз торговцами и промышленниками пушнины из Мангазеи начал сокращаться лишь с 1650-х гг. В этом плане к началу 1660-х гг. Мангазейский уезд уже значительно уступал Енисейскому (количество вывозимых соболиных шкурок для данных уездов теперь составляло 5,5—13 тыс. штук и 25—30 тыс. штук, соответственно) ¹⁶.

Мангазея, будучи административным и торговым центром, базой пушных промыслов, единственным на протяжении почти полувека морским портом Сибири, а также промежуточным пунктом между Обью, Енисеем и Леной, просуществовала около 70 лет — с 1601 по 1672 г. Эпоха расцвета Мангазеи, связанная с развитием пушного промысла, пришлась на первую половину XVII в. ¹⁷. В Мангазее располагался гарнизон численностью 100—150 человек, но фактически не было постоянного гражданского населения. «Мангазейский город был в сущности большой укрепленной факторией, служившей средоточием главной массы русского промышленного люда, шедшего на промыслы, и одной из главных задач небольшого государева города, с его деревянными башнями и мало пригодной к делу артиллерией, являлась защита торговых и промышленных людей, и сбор с них десятой пошлины» ¹⁸. В городе находили приют сотни промышленников и торговцев. Так, численность зимовавших здесь в 1630-е гг. превышала тысячу человек. При этом уже проведенные конкретные исследования В.А.Александрова, П.Н.Павлова убеждают в том, что многие промышленники были далеко не случайными гостями в Сибири. В.А. Александров, проследив процесс оседания русского промышленного населения в Мангазейском уезде, выявил начало формирования в прямом смысле слова постоянного русского населения «в массе своей» и складывание семей с середины XVII в. ¹⁹. Целый ряд обстоятельств обусловил постепенное угасание Мангазеи, за-

вершившееся переносом ее на новое место. Определенное значение имел правительственный запрет на пользование морского пути в Обскую губу, последовавший в 1616–1619 гг. Однако, более существенное влияние на судьбы Мангазеи оказало постепенное истощение пушных ресурсов. Уже в 1640-е гг. обнаружилось их перенапряжение. По мере удаления мест добычи ценного зверя на восток Мангазея теряла прежнее значение базы пушных промыслов.

Необходимо обратить внимание на то, что механизмы организации пушного промысла в российском и канадском вариантах различались. В сибирском варианте он был поставлен под контроль государства (местное население было обязано сдавать пушнину в форме ясака), в канадском — под контроль монополий.

В мае 1670 г. английский король Карл II подписал закон о даровании монопольных привилегий на охоту и торговлю в Гудзоновом заливе «Компании английских купцов-авантюристов», переименованной впоследствии в «Компанию Гудзонова залива». Организация монопольных купеческих компаний для эксплуатации дальних заморских территорий была вообще распространенным явлением в истории европейских стран, владевших колониями (Англия, Франция, Голландия, Португалия). «Компания Гудзонова залива» по характеру дарованных ей привилегий стояла в одном ряду с Ост-Индской компанией, Восточной компанией Леванта и другими английскими монопольными обществами, создававшимися в XVII в. для завоевания и эксплуатации колоний. Одним из 18 акционеров компании стал английский король. Самой компании было дано право «монопольной торговли и коммерции», добычи «пушнины, минералов и других различных предметов на всех морях, проливах, заливах и бухтах, реках, озерах и ручьях... в пределах пролива, обычно именуемого Гудзоновым, вместе со всеми землями и прибрежными территориями, окружающими вышепоименованные моря, проливы, заливы и бухты, реки, озера и ручьи...»²⁰. Таким образом, компания стала фактическим владельцем огромных, еще неизвестных европейцам земель северо-восточной Америки.

Именно мехоторговцы компании выступали инициаторами исследования Северо-западных территорий Канады. В 1715 г. было совершено сухопутное путешествие вглубь Канадского Севера: мехоторговец Стюарт прошел от Йорк-Фактори на юго-западном берегу Гудзонова залива до восточной оконечности Большого

Невольничьего озера. В первой половине XVIII столетия в поисках Северо-западного прохода несколько судов достигало северных берегов Гудзонова залива. Но в основном деятельность «Компании Гудзонова залива» в тот период ограничивалась созданием немногочисленных торговых постов на южном и юго-западном берегах Гудзонова залива и неподалеку от него. Агенты компании не стремились идти далеко вглубь страны и особенно на Север, поскольку неэквивалентная торговля с индейцами на близлежащих территориях приносила достаточно высокую прибыль.

Во второй половине XVIII в., после захвата Англией Канады, началось более интенсивное проникновение европейцев на Канадский Север. «Компания Гудзонова залива» энергично продвигалась вглубь Канады, прежде всего на запад, к берегам Тихого океана, а также и на север. Заинтересовавшись сообщениями индейцев о богатстве района р. Коппермайн медной рудой и пушминой, «Компания Гудзонова залива» в 1771—1772 гг. организовала экспедицию сухим путем во главе со служащим компании С.Херном от Форта Черчилль (Гудзонов залив) к устью р. Коппермайн. С.Херн был первым из европейцев, проникших в канадскую Западную Арктику. В 1774 г. компания Гудзонова залива основала в Камберленд-Хаузе торговый центр по скупке пушнины. В Монреале шотландские пушники создали в 1784 г. «Северо-западную мехоторговую компанию», влияние которой быстро распространилось на север и северо-запад от Великих озер. В конце XVIII в. шотландские купцы достигли берегов Северного Ледовитого и Тихого океанов. Чтобы удержать в своих руках новые районы добычи пушнины, обе компании основали ряд факторий на Севере и организовали их обслуживание при помощи крупных лодочных флотилий.

«Северо-западная компания» основала первые торговые фактории на Канадском Севере. В 1786 г. ею был учрежден пост на Большом Невольничьем озере (Форт-Ре-золюшн). В 1789 г. служащий компании Александр Маккензи совершил путешествие по реке, названной затем его именем, до Северного Ледовитого океана. Впоследствии на берегах этой реки было создано несколько торговых факторий. Следуя по пути путешествия А. Маккензи, компания нанесла на карту все районы добычи пушнины и основала свои фактории в Форт-Чипевриане (1789 г.), у истоков реки Маккензи (1790 г.), у озера Мартр (1793 г.), в 130 км западнее Большого Невольничьего озера на реке Маккензи (1796 г.), у

Большого Медвежьего озера (1799 г.), а затем в Форт-Симпсоне (1804 г.), в Форт-Гуд-Хопе и в Форт-Лайарде (1805 г.). Этим было положено начало постоянных торговых сношений компании с индейцами по скупке у них пушнины.

Под влиянием конкуренции со стороны «Северо-западной компании» «Компания Гудзонова залива», пытаясь помешать экспансии своих южных конкурентов, в начале XIX в. также основала торговые фактории на Большом Невольничьем озере, на реке Невольничьей, в 40 км южнее Большого Невольничьего озера (1803 г.) и на острове Лосином на Большом Невольничьем озере (1804 г.).

После реорганизации Компании Гудзонова залива в 1800—1811 гг. она возобновила свою торговую деятельность на Северо-западных территориях. Компании удалось восстановить прежние размеры добычи пушнины благодаря использованию коротких речных путей к Гудзонову заливу. В 1821 г. обе конкурирующие компании объединились под фирмой компании Гудзонова залива, и с этого времени началась более организованная эксплуатация пушных ресурсов. В течение первой половины XIX в. компания Гудзонова залива сохраняла монополию на эксплуатацию пушных ресурсов в обширных северных районах Канады, где пушной промысел является почти единственным источником дохода населения. Тем временем сокращение пушных ресурсов в южных районах Канады и постепенное заселение этих территорий, ухудшавшее условия охоты и возможности для монопольной скупки пушнины, способствовали повышению роли северных районов.

В 1820—1830-х годах мехоторговцы из «Компании Гудзонова залива» проникли на Лабрадор, где наряду с чисто торговой колонизацией, проводившейся французскими и английскими торговцами и миссионерами, получили развитие рыболовство и охота на пушного и морского зверя, также практиковавшиеся пришлым населением. В 1840-х годах скупщики пушнины появились в бассейне Юкона. В третьей четверти XIX в. расширилась сеть меховых факторий в бассейне р. Макензи ²¹.

В первой четверти XIX в. возобновились экспедиционные плавания в канадских полярных морях, целью которых являлись поиски Северо-западного прохода. Поиски кратчайших путей в Индию представляли в тот период интерес первостепенной значимости для Англии, осуществлявшей там быстрое расширение своих колониальных владений. В процессе географических исследова-

ний в 1853 г. был открыт Северо-западный проход. Два судна, шедшие одно с востока, другое—с запада, близко подошли друг к другу в районе острова Бенкс. Однако трудности плавания по Северо-западному проходу привели к тому, что интерес английского купечества к северным морям несколько ослаб. Конечным результатом указанных экспедиций, составивших выдающуюся главу в истории мореплавания и географических открытий, было установление очертаний главных массивов суши канадской Западной Арктики ²².

Доминирование промыслового характера освоения оказывало воздействие на природу взаимоотношений пришлого населения и коренного. Что касается Канады, то специалист по проблемам Севера Г.А.Агранат подчеркивает, что «мехоторговцам нужны были люди, охотники, а не земля». Исследователь приводит в своей работе показательное наблюдение одного американского историка по поводу отношения мехоторговцев к коренному населению: «В пушной торговле был неуместен афоризм, что лучший индеец — это мертвый индеец. Торговцам Новой Франции (так в XVII—XVIII вв. назывались французские колонии в Канаде) или “Компании Гудзонова залива” временами казалось, что индейцев скорее слишком мало, чем слишком много».

Правда, обратной стороной подобного отношения «Компании Гудзонова залива» к автохтонному населению являлась индифферентность в отношении разработки недр, развития сельского хозяйства, заселения края. Более того, как справедливо отмечает Г.А.Агранат, «Компания», боясь, что широкая колонизация территории подорвет возможности безраздельного грабежа, отвлечет население от охоты и приведет к уменьшению прибыли, прямо блокировала попытки развития производительных сил на той территории, где она сама занималась сбором пушнины.

Заинтересованность в сохранении коренного населения, платившего ясак, характерная для российского правительства, нашла отражение в относительно гуманном и толерантном отношении властей к народностям Сибири. В итоге «нерусские этнические сообщества благополучно существовали на исторически занимаемых ими территориях и даже расширяли эти территории. Они сохраняли и развивали свои, отличные как от государственной, так и от собственно русской соционормативные системы, сохраняли свои языки, свои хозяйственные и бытовые традиции, свою систему верований. ... Общим итогом государственной политики по отно-

шению к нерусским народам и народностям Сибири может рассматриваться абсолютно благополучная демографическая динамика этих этнических сообществ: темпы роста нерусского населения не уступали таким же показателям у “русских старожилов”, и только постоянный приток новых переселенцев из-за Урала вел к снижению удельного веса “аборигенов” Сибири в общей численности населения региона»²³.

Следует отметить, что диапазон хозяйственных форм освоения на канадском Севере изначально был более широк и включал весьма развитое рыболовство и китобойный промысел в прибрежных арктических водах.

XIX в. для обеих территорий был отмечен ускорением темпов освоения, особенно со второй половины столетия, развитием товарно-денежных отношений, диверсификацией экономик. При этом если на канадском Севере значение пушного промысла сохранялось до первых десятилетий XX в., то на крайнем Севере Западной Сибири он заметно уступает место другим видам хозяйственных занятий, в частности — рыболовству, которое приобретает товарный характер.

В то же время, если на сибирском Севере в данный период доминирует лишь торговый капитал²⁴, то на канадском Севере определенные успехи делает капитал промышленный. Промышленный характер, в частности, приобретает китобойный промысел, приведший к концу XIX в. к заметному сокращению численности китов в канадских водах.

В целом к числу общих для Северо-Западной Сибири и канадского Севера черт можно отнести схожие природно-климатические условия, «северные» ландшафты и огромные по площади территории, ярко выраженный освоенческий импульс, фронтальный характер экономик, относительную синхронность процессов освоения, огромные потенциалы — территориальные, ресурсные, экологические. В то же время различия социальных контекстов, используемых организационных механизмов не могли не сказаться на динамике и характере освоения северных территорий.

Сноски:

1. См.: Алексеева Е.В. Освоение Азиатской России в сравнительно-исторической перспективе // Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI—XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. М.: Наука, 2004. С. 204—318; Резун Д.Я., Ламин В.А., Мамсик Т.С.,

Шиловский М.В. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2001; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17—20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2002; Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в 17—20 вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3; Резун Д.Я. Фронтир в истории Сибири и Северной Америки в XVII—XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2005; Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск, 2005.

2. Черкасов А.И. О реке, о стране, о народе // Бестон Г. Река Св. Лаврентия. М., 1985. С. 20.

3. См.: Нейлор Р.Т. Канада в период после Колумба // Международный журнал социальных наук. 1993. № 1: Америка: 1492—1992. С. 85—99; Данилов С.Ю., Черкасов А.И. Двенадцать лиц Канады. М., 1987; Семенов С.И. Эволюция североамериканской и ибероамериканской локальных цивилизаций. Сравнительно-историческое измерение // Русское открытие Америки: Сборник статей, посвященный 70-летию академика Николая Николаевича Болховитина. М., 2002. С. 167—179.

4. Тишков В.А. Предисловие // Проблемы историографии Канады. М., 1981. С. 7.

5. См.: Семенникова Л.И. Концепт цивилизации в современной историографической ситуации в России // История России: Теоретические проблемы. Вып. 1: Российская цивилизация: Опыт исторического и междисциплинарного изучения. М., 2002; Шаповалов В.Ф. Россия как цивилизация // Там же; Ионов И.Н. Российская цивилизация и ее парадоксы // Там же; Он же. Парадоксы российской цивилизации (По следам одной научной дискуссии) // Общественные науки и современность. 1999. № 5. С. 115—116; Стрелецкий В.Н. Этнокультурные предпосылки регионализации России // Географические процессы и проблемы. М., 2001. С. 10—11; Рашковский Е. Целостность и многоединство российской цивилизации // Общественные науки и современность. 1995. № 5. С. 64, 67.

6. См.: Стрингольм А.М. Походы викингов. М., 2003. С. 235—245; Джонс Г. Викинги. Потомки Одина и Тора. М., 2005. С. 297—324; Арбман Х. Викинги. СПб., 2003. С. 186—195; Симпсон Ж. Викинги. Быт, религия, культура. М., 2005. С. 42—50; Насонов А.Н. «Русская Земля» и образование территории древнерусского государства. Историко-географическое исследование. Монголы и Русь. История татарской политики на Руси. СПб., 2002. С. 72—73, 85, 93—95, 100—103, 149; Костомаров Н.И. Русская республика (Севернорусские народоправства во времена удельно-вечегового уклада. История Новгорода, Пскова и Вятки). Исторические монографии и исследования. М.; Смоленск, 1994. С. 38, 308, 396; Бахрушин С.В. Избранные работы по истории Сибири XVI—XVII вв. // Научные труды. М., 1955. Т. 3. Ч. 1. С. 138—139; Бернадский В.Н. Новгород и Новгородская земля в XV веке. М.; Л., 1961. С. 17, 30, 50, 149; История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до конца XX века: Хрестоматия. Екатеринбург, 1999. С. 31—34; Очерки истории Югры. Екатеринбург, 2000. С. 77—79; История открытия и исследования советской Азии. М., 1969. С. 246—247; Архипова Н.П., Ястребов Е.В. Как были открыты Уральские горы. Свердловск, 1990. С. 20—21; Могильников В.А. К проблематике взаимоотношений Руси и Югры в XI—XV веках // Русские старожилы. Материалы III-го Сибирского симпозиума «Культурной наследие народов Западной Сибири» (11—13 декабря 2000 г., Тобольск). Тобольск; Омск, 2000. С. 77; Федорова Н.В. Русь и Югра: история взаимоотношений (XI—XIII вв.) // Там же. С. 119—121; Также см.: Мартынова Е.П. Этнические контакты русских и обских угров // Там же. С. 71—73).

7. См.: Нейлор Р.Т. Канада в период после Колумба... С. 91.

8. Агранат Г.А. Зарубежный Север. Очерки природы, истории, населения и экономики районов. М., 1957. С. 130.

9. Берг Л.С. Открытие Камчатки и экспедиции Беринга 1725—1742. М; Л., 1946. С. 299; Лебедев Д.М. Очерки по истории географии в России XV и XVI веков. М., 1956. С. 99; Лебедев Д.М., Есаков В.А. Русские географические открытия и исследования с древних времен до 1917 года. М., 1971. С. 58—68.

10. См. Тихомиров М.Н. Древняя Москва. XII—XV вв.; Средневековая Россия на международных путях. XIV—XV вв. М., 1992. С. 85.

11. Соловьев С.М. Сочинения в восемнадцати книгах. М.: «Мысль», 1988. Кн. II. С. 433.

12. История Ханты-Мансийского автономного округа с древности до наших дней. Екатеринбург, 1999. С. 105; Очерки истории Югры. С. 81; Карамзин Н.М. История государства Российского в 12-ти томах. М., 1998. Т. VI. С. 173—174; Плигузов А. Текст-кентавр о сибирских самоедах. М.-Ньютонавилль, 1993. С. 141—153; Он же. Первые русские описания Сибирской земли // Вопросы истории. 1987. № 5. С. 47—49.

13. Александров В.А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964. С. 20, 24; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978. С. 22—23.

14. Тишков В.А. Страна кленового листа: начало истории. М., 1977. С. 14—30.

15. Саймонс А.М. Социальные силы в американской истории. М., 1925. С. 87—88.

16. Павлов П.Н. Вывоз пушнины из Сибири в XVII в. // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962 (Сибирь периода феодализма. Вып. 1). С. 128; Копылов А.Н. Торговые связи енисейского рынка в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI—XIX вв. Новосибирск, 1965 (Сибирь периода феодализма. Вып. 2). С. 97—98; Старцев А.В., Гончаров Ю.М. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.). Барнаул, 1999. С. 31.

17. По истории Мангазеи см.: Буцинский П.Н. Соч. в двух томах. Тюмень, 1999. Т. 2: Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск. С. 5—78; Бахрушин С.В. Избранные работы... С. 77, 81, 84, 86, 92, 108, 175—197, 297—354; Вилков О.Н. Торговые пути и динамика торгово-промышленного движения в Сибири XVII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII—XIX вв.). Новосибирск, 1968 (Сибирь периода феодализма. Вып. 3). С. 59—61, 66—67, 70, 73; Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири... С. 107—117; Александров В.А. Русское население Сибири... С. 11—32, 59—77, 120—121, 143—157, 218—240, 243, 269—287; Он же. Начало хозяйственного освоения и присоединение к России северной части Енисейского края // Сибирь XVII—XVIII вв. Новосибирск, 1962. С. 7—29; Также см.: Эскин Ю.М. Документы о Мангазее в Смутное время // Новые материалы по истории Сибири досоветского периода. Новосибирск, 1986. С. 44—54; Обдорский край и Мангазея в XVII веке: Сборник документов / Авторы-составители: Е.В. Вершинин, Г.П. Визгалов. Екатеринбург, 2004. С. 136—158.

18. Бахрушин С.В. Избранные труды... С. 334.

19. Александров В.А. Русское население Сибири... С. 63, 121.

20. Агранат Г.А. Зарубежный Север... С. 132.

21. Агранат Г.А. Зарубежный Север... С. 134—135.

22. Американский Север. М., 1950. С. 210—211.

23. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. С. 390.

24. Патканов С.К. Соч. в 5-ти томах. Тюмень, 2003. Т. 4: Экономический быт государственных крестьян и инородцев Тобольского округа Тобольской губернии. Часть третья. С. 232; Дунин-Горкавич А.А. Тобольский Север. Этнографический очерк местных инородцев. М., 1995. Т. I; 1996. Т. III; Миненко Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Новосибирск, 1975. С. 61—78; Карих Е.В. Процессы этнокультурного взаимодействия в ходе хозяйственного освоения Тобольского Севера в XIX — начале XX в. // Сибирский лавильный котел: социально-демографические процессы в Северной Азии XVI — начала XX века. Новосибирск, 2004. С. 153—165.